

С. Лебедев

## Принцесса Таша

### Семья

Семья Гончаровых пустила глубокие корни в конце XVII века в старинном русском городе Калуге. Документы сохранили имена «горшечников» Ивана и его сына Абрама, имевших там добротную гончарную лавку — отсюда и фамилия. Калужский посадский человек Афанасий Абрамович Гончаров (?–1784), родоначальник Гончаровых, сколотил огромное по тем временам состояние, которое оценивалось после его смерти в три с половиной миллиона рублей. Но как это ему удалось?

Все началось с того, что Петр I обратил внимание на калужского умельца, посадского самородка, отличавшегося выдающейся предприимчивостью и сообразительностью. Царь в те времена создавал русский военно-морской флот и решил завести в России заводы по производству отечественных парусов. Молодой смешленный Гончаров в этом деле пришелся как нельзя кстати. При покровительстве царя Афанасий Абрамович в 1718 по именному государеву указу основал свой первый завод. Потом открывались все новые и новые фабрики. Их продукция пользовалась широким спросом не только в России, но и за границей, особенно в Англии. Пройдет время, и ценой огромных жертв и решительных побед выход к морю будет завоеван. И в эту победу весомый вклад внесет русский военно-морской флот на гончаровских парусах. Энергичный Гончаров не остановится на достигнутом, откроет бумажное производство: бумага его фабрик будет считаться лучшей в России.

Работая в семейном архиве Гончаровых (летом 1834, во время отдыха с женой в Полотняном Заводе), Пушкин будет изучать старинные книги гончаровской библиотеки в поиске документов Петровской эпохи, ведь с высочайшего повеления Николая I он готовил историю Петра Великого. Свояк Дмитрий Николаевич, брат Натали, в те дни подарит шурина целую связку нужных ему книг и бесценных семейных документов времен царствования Петра. В семейном архиве биограф найдет сохранившийся автограф Петра: в письме из Голландии царь уведомляет Афанасия, что нанял там и высылает ему мастера, опытного в «усовершенствовании полотен». Жадного до сенсаций пытливого историка удивит другое: почему в каждом конкретном случае Гончаров мог напрямую, беспрепятственно обращаться к царю за наставлением и добрым советом, совсем не по чину и рангу, что, несмотря на известную доступность царя, было уделом немногих. Семейные предания, со слов самой Натали или ее дедушки, высветят одну из причин царского покровительства Гончарову. Тайну стремительного возвышения Афанасия, быстро продвинувшего промышленное «дело», могли знать в годы Петровских реформ только два человека: сам царь и начальник его Тайного приказа. Князь-кесарь Ф. Ромодановский, лично преданный государю вельможа, помимо своих прочих обязанностей отвечал за выдачу по соответствующему реестру государевых медальонов (медалей) побочным детям Петра и во избежание воровства и смуты осуществлял негласный надзор за ними.

На медальонах Тайного приказа с обратной стороны на фоне державного орла присутствовала надпись: «Да хранит Господь» и дата рождения царского отпрыска. Современники оставили ничтожно малое число сообщений об их владельцах, среди них часто называют фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского и академика Ломоносова, портретное сходство которых с царем-реформатором поражает.

Разгадать тайну петровских медальонов наверняка мог биограф Петра Великого, многие дни проводивший в архивах Тайной канцелярии. Косвенным доказательством петровского следа Пушкину могло быть одно из сохранившихся в то время царских посланий к Афанасию Гончарову с наставлениями и советами, в котором на истертой

бумаге запечатлено редкое государево обращение, не лишённое ласки: «Дорогой сынок»... А также щедрый подарок Афанасию — несколько имений в Калужской губернии — со стороны сестер государя.

Был ли Афанасий сыном Петра или только крестником, этот вопрос будет еще долго мучить историков. Однако по духу своему он был близок государю и очень стремился быть на него похожим. Они вместе поднимали Россию.

### **Дворянство**

Позднее воцарившаяся на престоле дочь Петра Великого Елизавета Петровна продолжала оказывать ощутимую поддержку промышленнику Гончарову, ведая, что его дела способствуют усилению Российской державы. За выдающиеся коммерческие успехи она в 1742 пожаловала ему чин коллежского асессора, который давал право на потомственное дворянство, — случай по тем временам из ряда вон выходящий. Посетив родовое гнездо Гончаровых — усадьбу Полотняный Завод в 1775, Екатерина II подтвердила это право специальным высочайшим указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича Гончарова — Афанасию Николаевичу, деду Натали, который, впрочем, оказался впоследствии не на высоте, поскольку по своей природе не был промышленником, вел чересчур роскошную жизнь и успел удивительно быстро промотать громадное наследство гончаровского самородка, оставив после своей скоропостижной смерти в 1832 крупный долг в полтора миллиона рублей и бесприданницей Ташу, как он ласково называл свою обожаемую внучку.

### **Гончаровские миллионы**

Отец Натали, единственный наследник крупного майората (неделимого имения) Полотняный Завод Николай Афанасьевич Гончаров, с самого детства окруженный самыми нежными заботами в семье, тщетно мечтал о блестящей военной карьере. Этим стремлениям не суждено было сбыться ввиду непреклонной воли матери, приложившей немало усилий, чтобы сын получил домашнее образование на очень высоком уровне.

Когда фрейлину Наталью Ивановну Загряжскую выдали замуж за Николая Афанасьевича Гончарова, он был чрезвычайно счастлив происшедшим, потому что был страстно влюблен в свою избранницу. На их венчании в дворцовой церкви по обычаю присутствовала вся царская семья, включая великого князя Николая — будущего императора Николая I, сам самодержец всероссийский Александр I молился перед алтарем за новобрачных — поистине великая честь! По странному совпадению ровно через тридцать лет, 27 января 1837, муж их дочери Натали будет стреляться на дуэли, отстаивая «честь жены», и получит смертельную рану (скандальная дуэльная история надолго привлечет внимание публики, ведь на Черной речке у Комендантской дачи будут стреляться оба их зятя).

О красоте Натальи Ивановны слагали легенды, но и ее супруг, Николай Афанасьевич, был под стать ей. Высокий, стройный, с классически правильными чертами лица, богато одаренный природой. В 1808 Николай Афанасьевич получил чин коллежского асессора, перевелся в Москву и поступил на должность секретаря московского губернатора. Здесь, в Москве, протекли в упоении взаимной любви для четы Гончаровых медовый месяц и первые годы супружества.

Все время отдавая наследника от дел, на Полотняном Заводе бесшабашно «хозяйничал» отец — Афанасий Николаевич. Придет время, и старик Гончаров, не в силах скрывать свои растраты, откроет сыну, свято верившему в неприкосновенность гончаровских миллионов, неутешительную правду, свалит тяжелую ношу запутанных дел на неопытные плечи наследника и укатит на несколько лет за границу.

Энергичный и деловой человек, Николай Афанасьевич после отъезда отца сразу же переселился с семьей в Полотняный Завод и железной рукой принялся восстанавливать

дело. За пять лет упорного труда Николаю Афанасьевичу удалось заделать прорехи. В 1811 он был высочайше награжден орденом Владимира IV степени «За приведение к должному устройству фабрики полотняной и писчей бумаги». Под зорким оком хозяина, как при первых Гончаровых, снова без сбоев заработали фабрики.

Но тут наступил 1812 год. Французы в октябре 1812 вплотную подошли к гончаровским владениям. В Полотняном Заводе несколько дней размещался со своим штабом фельдмаршал М. Кутузов. Комнаты, в которых он жил, сделались исторической реликвией и стали называться кутузовскими. Можно себе представить, сколько гордости придал этот исторический факт маленьким Гончаровым...

Старик Гончаров в самом начале войны сумел пробраться через границу и вернуться домой. Майорат подвергся опустошительному нашествию собственного «иностранца»: какое-то время сын еще пытался удержать отца от расточительности и бесхозяйственности, но на открытый скандал не шел, преклоняясь перед властью отца. Отношения между отцом и сыном становились постепенно все более нетерпимыми и недоброжелательными: старику Гончарову казалось, что сын кичится перед ним своей деловитостью. И наконец вместо признательности за поправку дел Афанасий Николаевич отплатил сыну черной неблагодарностью, в 1815 полностью отстранив наследника от дел.

Огромная ответственность лежала на плечах Николая Афанасьевича за судьбу своих детей, которых к тому времени было уже шестеро: Дмитрий, Екатерина, Иван, Александра, Наталья и новорожденный Сергей. И несмотря на то что старик Гончаров выдавал его семье значительное содержание — 40 тысяч рублей ежегодно, Николай Афанасьевич теперь не мог обмануться, прекрасно зная реальное положение дел и предчувствуя угрозу полного разорения. Разрыв с отцом послужил причиной того, что он запил. Жизнь надломилась. Сведения о «душевном недуге» Николая Афанасьевича крайне противоречивы: Гончарова признали «повредившимся в уме» к концу 1814.

### Любимица

Натали — Наталья Николаевна Гончарова — родилась 27 августа 1812, на следующий день после Бородинской битвы. Семейство ее, спасаясь от французов, уже оставило Полотняный Завод и переселилось к близким родственникам Загряжским в имение Карианы на Тамбовщине. После победоносного окончания Отечественной войны семья вернулась в Полотняный Завод.

Но прогрессирующая болезнь Николая Афанасьевича Гончарова вынудила семейство переехать в Москву, в собственный дом на Никитской. Однако родители не взяли с собой маленькую Наташу, потому что старик Гончаров, отец Николая Афанасьевича, очень привязался к внучке и просил оставить девочку на его попечение. Дед души не чаял в маленькой внучке. Юная Таша, как называл ее дед, росла подобно сказочной принцессе в волшебном царстве. Зная отношение деда к ребенку, все в имении неистово заискивали перед ней, от нарядов ломились сундуки, ей предлагали изысканные лакомства, а самым любимым развлечением в имении стало придумывать новые забавы для общей любимицы.

Дом в Полотняном Заводе, построенный без особых архитектурных излишеств, размерами напоминал настоящий дворец. Парк вокруг дворца был разбит на аристократический лад: гроты, беседки, статуи украшали его тенистые аллеи. При конном заводе, где выводили породистых лошадей, построили великолепный манеж, на котором устраивались конные праздники, — с этого времени девочка сохранила особое, нежное отношение к этим животным. Именно здесь, в огромном бесподобном парке с веером дорожек, в лесных зарослях, среди живописных прудов и беседок, среди пробежавших мимо оленей, резвилась юная Таша. Она давно уже без сестер, которые проживали в Москве, в собственном доме, а как бы хотелось сыграть с сестрами Катей и Сашей в горелки! Здесь на одной из дорожек она нацарапает под дружный смех гостей палочкой на песке вслед за веселящимся дедом первые цифры и арифметические действия. Здесь,

одетая в потешный костюм маленького жокея, впервые сядет в седло. Здесь, на крутом берегу реки Суходрев, в романтической беседке, на коленях у деда Таша впервые с удивлением произнесет вслед за гувернером свое имя по-французски Natalie (пройдет время — и именно так ее, первую красавицу России, будут называть в свете).

Удалив сына, Афанасий Николаевич передал дела управляющему и стал заботиться лишь о том, как пышнее обставить свою жизнь, как придумать новую, неизведанную забаву. Сокровища, накопленные до него сыном, таяли день ото дня. Очень скоро объемистые, из доморощенного полотна, туго набитые золотом мешки, которые челядь привыкла видеть в кабинете владельцев, исчезли. «Роскошный период» гончаровской жизни заканчивался, разорение дышало в спину хозяина.

В одно мгновение все переменялось. На шестом году Ташу вернули в родное гнездо, к матери.

### **Детство Натали: уроки домашнего воспитания**

Внезапная перемена от дедушкиного обожания к нарочитой сдержанности и холодности со стороны матери ничуть не отразилась на тихом и кротком характере ребенка, не озлобила девочку.

Натали спокойно и безропотно подчинялась суровому режиму, заведенному в своем новом доме. Обстоятельства ее жизни в родительском доме на Никитской сложились так, чтобы испытывать ее день ото дня в обретении терпения, смирения, покорности старшим, любви к ближним. Наверное, как раз этими качествами и должна обладать будущая жена гения...

Что касается дедушкиного внимания, то он присылал много всякой всячины для внучки, а особенно часто присылал ей семян разных цветов, о чем та его очень просила в письмах.

В Москве Наталья Ивановна старалась обустроить жизнь семьи так, как полагалось богатым помещикам. Но денег на роскошный образ жизни катастрофически не хватало. Впечатление о достатке создавалось за счет строжайшей экономии. Об обновлениях детям думать не приходилось. Капризы, шумное веселье в доме строго преследовались. Принципы воспитания детей глубоко религиозной Натальи Ивановны выражены в «Правилах жизни», которые были найдены впоследствии в записной книжке молодых девиц Гончаровых и изложены в форме заповедей:

1. Никогда не иметь тайн от той, кого Господь дал тебе вместо матери и друга теперь, а со временем, если будет муж, то от него.
2. Никогда никому не отказывать в просьбе, если только она не противна твоему понятию о долге.
3. Старайся до последней крайности не верить злу или что кто-нибудь желает тебе зла.
4. Старайся никогда не рассказывать ни про кого ничего дурного, исключая того, кто должен это знать.
5. Не осуждай никогда никого ни голословно, ни мысленно, а старайся найти если не оправдание, то его хорошие стороны, могущие возбудить жалость».

Эти правила формировали характер Натали с раннего детства.

Она росла любознательным ребенком. В ее ученических тетрадях, датированных с 1820 по 1829 год, можно найти записи по русской истории, по мифологии античных времен. Восхищения достойны познания десятилетней девочки в области географии — она, например, подробно описывает Китай, повествуя о его государственном устройстве. Девочка осваивает «Арифметику» Магницкого и к двенадцати годам поражает своим устным счетом гордого за нее деда, с ходу решив несколько сложных задач (это придется ей потом, когда она будет вести счета Пушкина). Она собирает старинные пословицы, высказывания философов, имеет свои, порой оригинальные замечания по тому или иному поводу. В тетрадях ее — записи в основном по-французски. Девочка пробует себя в рисунке, изучает правила стихосложения, с десяти лет сама пишет стихи.

Особенно ей удавалась лингвистика: во взрослые годы она знала немецкий, английский и французский языки, была отлично образованна.

Натали по существу закончила домашний лицей, куда приглашались самые лучшие учителя.

Как отмечают современники, в эти юные годы Натали была действительно прекрасна. Воспитание в деревне на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность. Необыкновенно выразительные добрые глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении помимо ее воли покоряли всех. И таких воздыхателей была у Натали тьма. Вот какой запомнилась юная Натали Надежде Михайловне Еропкиной, близкой знакомой семьи Гончаровых:

«Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя. Все в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было безупречно — без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках... Поэтому Наташа Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком».

Наступила юность. А с ней пришла большая любовь. Но на всю жизнь она сохранит в своем сердце понятие о долге, о чести, о сострадании ближнему, она будет всегда стараться находить светлые стороны в людях, порой обманываясь в них, верить в лучшее, быть доброй, благородной и великодушной. Она будет по-христиански любить людей... «Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца», – скажет она. Пройдут годы, и дочь Натали, Александра Арапова, заметит: «Она была христианка в полном смысле этого слова». А сам Пушкин в порыве любви не удержится от похвалы и напишет: «...А душу твою люблю больше твоего лица». Ведь именно природная застенчивость, молчаливость и крайняя сдержанность в проявлении своих чувств так нравились поэту. И лишь немногие избранные, к которым, несомненно, принадлежал Пушкин, могли по-настоящему заглянуть в ее душу и увидеть в ней нечто большее, чем модную, признанную красавицу обеих столиц! Так еще при жизни своей, благодаря банальному мнению легкомысленной толпы о светской красавице, «мадонна» Пушкина превратилась в бездушную кокетку...

Натали не сделала попытки громогласно защитить себя от нападок толпы, что породило стойкий миф. Разрушению этого мифа способствуют те скудные строки из «Правил жизни», которыми она руководствовалась повседневно и из которых следует почерпнуть уроки самоотверженности, стойкости, терпения и любви...

Здесь уместно привести слова М. Лермонтова, сказанные им при последней его встрече с Натали в апреле 1841 в доме Карамзиных накануне отъезда поэта на Кавказ: «Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости...» Эти прощальные слова Лермонтова разрушают миф о якобы бездушной, холодной красавице, ставшей причиной смерти своего мужа, и еще раз повествуют о великодушии замечательной русской женщины.

## **Первое свидание**

Это было в декабре 1828, когда на традиционном балу в Москве у популярного танцмейстера Йогеля Пушкин впервые увидел девушку, которой едва минуло шестнадцать лет. Ее впервые вывели в свет. Но она превосходно танцевала и принимала комплименты от самого танцмейстера.

Потом они, поэт и красавица, еще не раз увидят друг друга в свете. Но это будет случаться нечасто: безденежье продолжало мучить семью Натали. (Первая красавица



Москвы, иной раз она ездила в театр без перчаток: старые — в дырках, а новых нет. Случилось на одном балу: подруга увела ее в дальнюю комнату и заставила надеть свои туфли — неловко же танцевать со знаменитым поэтом, теперь уже женихом, на стоптанных каблуках).

Пушкин увлекался многократно, как только мог увлечься молодой лирический поэт. Однако одинокая, кочевая жизнь, когда уже минуло тридцать, не сулит никакой отрады в будущем. Что же дальше? Где путь к счастью?

Любовь не удавалась, а это печально; была дружба, была слава, любви же не было. Где черноглазая однофамилица Софи Пушкина, на которой он умолял приятеля женить его? Забылась как-то. Потом была Оленина, дочь президента Академии художеств; не получилось ничего, да и конфуз вышел знатный. Потом в Москве ждала его Катерина Ушакова — истинный друг; надо бы жениться на ней, да так и не решился... А что теперь? Весельчак и балагур братец Левушка увидел его однажды на гулянье возле коляски Гончаровых, тут же разразился едким экспромтом:

Он прикован,  
Очарован,  
Он совсем огончарован.

### **Ответ на предложение: ни да, ни нет**

События развивались очень стремительно. Ждать уже он не мог. Одного общего знакомого, графа Ф. Толстого, по прозвищу Американец, человека, повидавшего мир, Пушкин упросил быть ходатаем у матери Гончаровой, женщины гордой и властной. Ответ на его первое предложение Натали был неопределенным — ни да ни нет — и едва не свел его с ума: женихом в то время Пушкин был незавидным («род мой знатный, но захиревший»), да и сомнительное политическое положение жениха могло стать одной из серьезных причин, препятствующих браку: еще на слуху у всех было сухое, более чем сдержанное изречение графа Бенкендорфа, шефа жандармов: «он все-таки порядочный шалопай» — или шадящее и несколько ироничное Карамзина: «буйный шалун». В ту ночь, никого не спросив и ни с кем не простившись, он уехал на Кавказ, к брату Левушке, в действующую армию — с Турцией шла война.

### **Парадоксы встреч и сватовство**

Прошло время. Пушкин примчался к Гончаровым на Никитскую прямо с Кавказа, себя не помня. Встреча была ужасна. На этот раз его встретили прямым отказом. Натали, когда ей разрешено было выйти к нему из своей комнаты, смотрела равнодушно. Он был убит, подавлен в отчаянии простился с Москвой. С горькой усмешкой спрашивал в ту зиму князя Вяземского: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? В Петербурге тоска, тоска...» И всего лишь приветливое слово из Москвы, переданное ему приятелем, и то, что на Никитской его вспоминают, кланяются ему, заставило бросить все. Он умчался в Москву. И первое знакомое лицо, которое он увидел, очутившись вечером на каком-то концерте, было лицо Натали, ее лицо, сияющее такой необычной прелестью, что говор стоял вокруг, когда она проходила по залу! Пушкин смотрел на нее с упоением и видел, себе не веря: взгляд ее, обращенный к нему, выражал теплоту, ласку и радость. Он понял то, о чем еще не помышлял недавно. Он понял, что любим...

По всей Москве звонили колокола, когда он шел к Гончаровым в первый день Пасхи. Одна беда — нащокинский фрак чуточку жал под мышками, не было у него своего фрака, пришлось надеть с чужого, хотя и дружеского плеча.

И ни о чем его не нужно было спрашивать, когда он вернулся от Гончаровых к другу, — все и так было ясно. Он только просил подарить ему этот волшебный фрак, который приносит счастье. В этот день — первый день Пасхи — Наталья Ивановна Гончарова дала ему свое согласие на его брак с дочерью.

**«Я женат — и счастлив...»**

Накануне свадьбы Пушкин в письме своему приятелю Кривцову посетует: «Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. Мне 30 лет. В 30 лет люди обыкновенно женятся — я поступаю, как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться».

Судьба опять, казалось, корчила ему гримасы. Так, на обратном пути из своей Кистеневки, нижегородского имения отца, подаренного сыну к свадьбе, Пушкин наткнулся на заслоны, поставленные в связи с эпидемией холеры. Он был отрезан от Москвы, беспокоился о судьбе невесты, оставшейся в холерном городе, но никак не мог к ней прорваться. Задержавшись на три месяца в имении отца — Болдине, провел свою весьма плодотворную в творческом плане «Болдинскую осень», написав более 30 стихотворений, в том числе такие шедевры, как роман «Евгений Онегин» и «Повести Белкина».

На мальчишник к Пушкину, по доброму старому обычаю, чтобы распрощаться с холостой жизнью, в новую квартиру в доме Хитрово на Арбате собрались близкие друзья: Нащокин, князь Вяземский, Денис Давыдов, Баратынский, Языков, Иван Киреевский, брат Левушка.

Рассказывали, что 18 февраля 1831, в день свадьбы, мать невесты Наталья Ивановна прислала сказать, что все опять придется отложить — нет денег на карету. Жених послал денег. На свадебный фрак Пушкин не стал тратиться — опять выручил Нащокин. Венчание состоялось в приходе невесты — в церкви Большого Вознесения, что у Никитских ворот. В церковь старались не пускать посторонних, для чего была прислана полиция: событие в Москве не из обычных.

Во время венчания Пушкин, нечаянно зацепив за аналой, уронил крест; когда обменивались кольцами, одно упало на пол; погасла свечка; первым устал держать венец шафер жениха. Пушкин решил, что все это дурные предзнаменования, он был человеком суеверным...

Впоследствии он неоднократно утверждал, что важнейшие события его жизни как-то совпали с Вознесением Господним: родился на Вознесение, венчался в церкви Вознесения. Слишком много совпадений...

Это была очень выразительная пара. Тонкая, высокая, стройная, очень милая девушка с кротким, застенчивым лицом и «потомок негров безобразный», ниже ее на девять сантиметров и старше на тринадцать лет, великий и мятежный поэт. Свадьбу отпраздновали по совершении брака в церкви в щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками. В квартире на Арбате, в этом первом пристанище молодых, было пять комнат: зал, гостиная, кабинет, спальня и будуар. Молодожены занимали весь второй этаж.

Пушкин на поздравления напишет другу Плетневу: «Я женат — и счастлив...» Натали Пушкина, всеми признанная первая красавица Москвы, все больше и больше превращалась из прелестного ангела, «гения чистой красоты», в свою «домашнюю мадонну» — пример несравненной чистоты, терпения и смирения (сонет «Мадона»). Поэт чувствует себя по-настоящему счастливым. Мечта воплотилась в жизнь, он как бы шутливо подводит итог: «Жена не то что невеста. Куда! Жена свой брат».

Последнее письмо дедушке из своей девичьей юности пошлет уже не девочка Таша, а быстро повзрослевшая Наталья Пушкина. Это скорее даже не письмо, а уведомление о состоявшемся бракосочетании. Уведомление тем, кого не было рядом, в Москве. Получил такое письмо и глава гончаровского дома.

«Любезный дедушка! Имею счастье известить вас наконец о свадьбе моей и перепоручаю мужа моего вашему милостивому расположению...

Навсегда покорная внучка ваша Наталья Пушкина».

---

Здесь следует остановить повествование. Сейчас они оба счастливы: поэт и красавица. Долгими зимними вечерами Натали много будет рассказывать мужу о своем милом «дедушкином» детстве в дорогом ее сердцу Полотняном Заводе.

Позднее, в 1834, Пушкин с болью напишет любимой жене, жившей тем летом с детьми в Полотняном Заводе: «Боже мой! Кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином...»